

6. Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию. М.: ЗАО "Экон-информ", 2010. – 296с.
7. Рыбаковский О. Л. Миграции населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа. М.: Экон-Информ, 2008. – 335с.
8. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. – 2002. №10, С 29 – 36.

References

1. Astrahanskaja oblast' v cifrah: krat.stat.sb. – Astrahan'stat g. Astrahan', 2013g. – 83 s.
2. Statisticheskij ezhegodnik Astrahanskoj oblasti. 2013: Stat.sb. – Astrahan'stat. – g. Astrahan', 2013. – 264 s.
3. Zhenshhiny i muzhchiny Astrahanskoj oblasti v 2007–2011 godah.: Stat. sb. – Astrahan'stat.– g.Astrahan', 2012 g. 82 s
4. Kurabcev V.L. Juzhnyj Federal'nyj okrug: novaja volna migracii. – Sociologicheskie issledovanija. – 2010. №8, S 77 – 80.
5. Rybakovskij L.L. Migracionnyj potencial: ponjatija i kriterii ocenki – Sociologicheskie issledovanija. – 2009. №2, S 34 – 50. 14.
6. Rybakovskij L. L., Kozhevnikova N. I. Ocenka vozmozhnyh i neobhodimyh masshtabov privlechenija immigrantov v Rossiju. M.: ЗАО «Jekon–inform», 2010. – 296с.
7. Rybakovskij O. L. Migracii naselenija mezhdru regionami: problemy metodologii i metodiki analiza. M.: Jekon–Inform, 2008. – 335s.
8. Judina T.N. O sociologicheskom analize migracionnyh processov – Sociologicheskie issledovanija. – 2002. №10, S 29 – 36.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ФЕНОМЕНОВ БЕДНОСТИ И РЕСЕНТИМЕНТА В СОЦИУМЕ

Фролова Юлия Сергеевна, доктор социологических наук, профессор

Каспийский институт морского и речного транспорта
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: usfro@mail.ru

Лебедева Ирена Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент

Каспийский институт морского и речного транспорта
414000, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Никольская, 6/14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Политические и экономические изменения в России конце XX– начале XXI века стали столько значительными, что полностью изменили социальную структуру. На фоне этих событий произошло резкое усугубление социальной и имущественной дифференциации в обществе. В данной статье рассматривается взаимосвязь феноменов бедности и resentment, проблема поляризации денежных доходов населения, а также анализируется специфика феномена бедности в условиях российского социально–экономического пространства последних лет. В данной статье рассматривается явление resentment и его взаимосвязь со многими явлениями жизни общества. Особое внимание уделяется примерам из российской действительности.

Ключевые слова: бедность, доходы, рыночная экономика, уровень жизни, спрос, экономический рост, уровень благосостояния, черта бедности, resentment, естественное поведение, ритуальное поведение, современность, российский социум

THE INTERCONNECTION OF THE POVERTY AND THE RESENTMENT PHENOMENON IN THE SOCIETY

Frolova Yuliya S., D.Sc. (Sociology), Professor

Caspian Institute of Sea & River Transport
6/14 Nikolskaya st., Astrakhan, 414000, Russian eration
E-mail: usfro@mail.ru

Lebedeva Irena V., D.Sc. (Sociology), Professor

Caspian Institute of Sea & River Transport
6/14 Nikolskaya st., Astrakhan, 414000, Russiaeration
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Political Science and economic changes in Russia in the late XX – early XXI. century were so significant that completely changed the social structure of the country. Against this background there was a sharp aggravation of social and property differentiation in society. This article deals with the problem of polarization of money incomes of population and change of their structuration. The authors also analyze the specificity of poverty phenomenon in the contexts of Russian socio-economic space which is being observed in recent years. This article deals with the phenomenon of resentment and its relationship with the many social life phenomena. Particular attention is given to the examples of Russian reality.

Keywords: poverty, income, market economy, standard of living, demand, economic growth, level of welfare, poverty, resentment, natural behavior, ritual behavior, modernity, Russian society

Масштабность и стремительность трансформаций последних 20 лет в нашей стране во многом привели к отчуждению социальной деятельности человека от его терминальных нравственных ценностей, так как морально человек медленнее адаптируется к изменяющимся внешним условиям, чем физически. В связи с этим переживания людей, вызванные кризисом, отразились на всем социокультурном облике постсоветского российского пространства.

Условием выживания в неустойчивой социальной среде стал поиск успешных моделей социально-экономического поведения, адаптированных к новой реальности. Осложнили ситуацию масштабнейшие миграции, ускорившие маргинализацию населения и поляризацию общества, как в имущественном, так и в социокультурном плане. Однако проблема не только в резком росте социальной дифференциации, нестабильности личностных перспектив и беспрецедентном прессинге новых ценностных моделей, обрушившихся на россиян. Очевидна масштабность культурно-ценностного конфликта, несогласованности поведенческих паттернов различных социальных слоев населения жителей столиц и отдаленных провинций.

Для большинства россиян понятным и единственным доступным социокультурным пространством является российская провинция, со специфическими характеристиками, слабо соответствующими реформационным веяниям. Все это вот уже 20 лет обостряет масштабность не только социального, но и антропокультурного противостояния в России, недооценивать последствия которого опасно.

Сегодня учеными исследуются причины и следствия экономического кризиса, перспективы стабилизации социума, вопросы стратификационных изменений в стране в целом, миграций населения и т.д. Однако, при всем многообразии изысканий, остается потребность в глубоком социологическом анализе современных российских процессов, особенно идущих в специфическом социокультурном пространстве провинции.

Привлечение внимания к социально-экономическому положению, этнокультурному и демографическому состоянию отдаленных российских провинций – актуальнейшая задача, напрямую связанная с обеспечением социальной стабильности и геополитической безопасности страны.

Современная российская провинция – специфический феномен, в котором зафиксированы исторически сформировавшиеся ценностные ориентиры, типы социального поведения, этнополитические установки и специфические экономические практики. Особую актуальность исследования российского периферийного социума приобретают при рассмотрении социальной структуры и системных изменений в российских провинциях с высокой степенью полиэтничности и миграционной активности.

К сожалению, большинство отечественных и зарубежных исследователей акцентируют внимание на макросоциальном видении проблем. Отмечается кризисное состояние современной российской социокультурной системы в целом, анализируется положение ее политических и экономических институтов, но реальная, повседневная жизнь людей в российской глубинке изучается мало. Однако население российской периферии, с его восприятием происходящего, потребностями и надеждами, с его интеллектуальным и этнокультурным потенциалом, со специфическими ментальными характеристиками – это не просто фон происходящих трансформаций, а их непосредственный участник и жертва. Поэтому рассуждать о судьбе российского общества в XXI столетии, не уделяя внимания осмыслению мироощущения людей, живущих в этой стране, восприятию ими активных социальных процессов, в которые они погружены, невозможно.

В менталитете российского человека спрессована сложнейшая и противоречивая история нашей страны, как позитивные, так и негативные качества. Историко-социальный и антропокультурный опыт прошлого нашей страны заставляет подходить к оценке качеств российского менталитета более объективно, учитывая как созидательные – позитивные, так и деструктивно – разрушительные его черты в их сложном взаимодействии. Об этой проблеме писал Н.А. Бердяев: «Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями. ... Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственно-го могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа» [1].

Набор ценностей в социокультурной системе трансформируется в соответствии с потребностями наступившего цивилизационного цикла. Ценностно–нормативное ядро формирует сферическую структуру менталитета, слои которой можно обосновать применительно к российской действительности, в особенности провинциальной [2].

Первый слой структуры менталитета наиболее древний. Это нерелексируемый пласт, формирующийся на уровне коллективного бессознательного. Здесь менталитет характеризуется таким ценностным набором как: приоритет рода, власть старших, почитание предков, богов, представления о женской чести, мужской доблести и т.д. Именно в этом слое менталитета складываются первые представления, пробуждающие самосознание человека. Индивид включает в свой формирующийся внутренний мир ценности, характерные для своей референтной группы (этнической общности). Такое приобщение человека влияет на стиль поведения и уровень знаний, формируя восприятие мира.

Фактически сегодня можно наблюдать уникальную ситуацию «устойчивого неравновесия». Смысл ее в том, что россияне попали в своеобразные социокультурные тиски: идеальные образцы (все еще живущие в сознании людей) предписывают идти вверх по шкале ценностей, а реальные обстоятельства постоянно тянут вниз. В результате человек балансирует на «качелях» ценностных норм, из одной крайности в другую.

Однако длительное пребывание в нижней точке ценностной диспозиции оставляет человеку только один смысл жизни – органический. Но такой уровень существования – есть лишь начало формирования общественных отношений и он не может удовлетворять современного человека. Затяжное пребывание значительной части населения в фазе удовлетворения (и то минимального) лишь базовых потребностей сказывается на многих сферах жизни общества, ведет к духовному обеднению и омертвлению.

Характерный спутник таких периодов – феномен ресентимента, «самоотравления души» [9]. Он проявляется в повышенном внимании к скрываемым сторонам жизни, к т. н. «чернухе» в искусстве и повседневности. Ресентимент провоцирует нагнетание СМИ состояния страха, подавленности, самоуничтожения, смакование сцен убийства, казней, пыток, вида крови, повышенный интерес к семейным дрязгам и бандитским войнам, расползание во все структуры языка нецензурной брани и различных жаргонов – все это отравляет душу человека и формирует условия ее латентного существования. Духовные ценности оттесняются на периферию социокультурной жизни и становятся в лучшем случае далекими, абстрактными и непонятными, а в худшем подвергаются циничному осмеянию. Все лучшее и возвышенное в человеке становится «не модным», переводясь из разряда социокультурных идеалов в полуподпольное состояние.

В итоге общество получает всплеск девиации, жестокости, рост самоубийств, распад семей, беспрецедентный спад рождаемости и раннюю смертность, т.е. вырождение нации. Возникает такое состояние, когда культурный опыт и ценностные ориентиры у человека есть, но они так глубоко спрятаны от агрессивной окружающей действительности, что почти не проявляют себя.

Фактически ресентимент «...представляет собой долговременную психическую установку, которая возникает вследствие систематического запрета на выражение позитивных душевных качеств и аффектов... человек все глубже погружается, минуя переходные ценности, в противоположенное позитивным ценностям зло. В нем зарождается нечто такое, что пробуждает у него желание хулиганить, ниспровергать, унижать и он цепляется за любой феномен, чтобы через его отрицание хоть как-то себя проявить. Так ... ресентиментальный тип человека произвольно «обесценивает» бытие» [9, с/ 60].

Феномен ресентимента – есть результат длительного деструктивного воздействия на личность при отсутствии нравственного преодоления негатива (неприятие, прощение, покаяние, избегание, противостояние и т.п. акты). Став самостоятельным фактором социокультурных процессов, ресентимент задает тональность поведения людей в целом и может постепенно изменить структуру существующей культуры, маргинализируя ее [11].

В итоге формируется особая картина мира, основанная на «фальсификации ценностных таблиц», на принижении или даже отрицании позитивной ценности блага и, в конечном счете, его обращении (реверсе) [3]. В обществе начинают распространяться перевернутые формы логики, отрицающие традиционные социокультурные нормы. В обычной жизни ценно то, что сохраняет здоровье, приводит к удовлетворению, дает развитие. Но, поскольку все это, в силу обстоятельств, для ресентиментного человека мало достижимо, то и путь к этим ценностям реверсируется, «виноград объявляется зеленым».

Повседневная жизнь превращается в непредсказуемый лабиринт–игру, правила которой меняются в любой момент, лишая человека последних иллюзий стабильности. В таких условиях религия, философия, теоретическая наука утрачивают актуальность для человека, так как

уже ничего не объясняют в его реальной жизни. Ценность приобретают личные, опытные знания (выстраданные), дающие якобы право на негативное отношение ко всему, что не помогает быстро справиться с трудностями бытия (в том числе к науке и образованию). Формируется репрессивная установка: раз пострадал – значит, прав.

Однако чтобы позволять себе деструктивные акты в духе ressentiment, надо иметь прочную духовную основу, иначе (после критики реальности), есть риск не вернуться к исходной позиции, утонув в негативе. В каком-то смысле ressentiment – это душевное самоубийство, сопровождаемое порой специфическим наслаждением от духовного падения, от циничной балансировки «у бездны мрачной на краю». Процесс этот может быть затяжным. Но репрессивное поведение теряет смысл если разламывается глубинное культурное ядро (общества, человека) и начинается просто распад. Поэтому можно сказать, что «фроскошь» своеобразного декаданса в отношении к миру допустима тогда, когда есть прочное культурное начало, скрытое глубоко, но не дающее погибнуть всей системе.

В истории России немало примеров, подтверждающих эту идею. У нашей страны накоплен огромный практический опыт социального деструктивизма и умения «держат» высокий уровень ressentiment. На протяжении почти всей истории Российского государства поколения за поколениями люди, жившие здесь, привыкали к необходимости постоянно начинать с нуля, строить жизнь заново: междоусобицы, татаро-монгольское нашествие, опричнина, неурожай, бунты, смуты, войны, революции, репрессии, реформы, дефолты и т.д. – все это не проходило бесследно для национального сознания.

Постепенно складывалась привычка относиться к собственности (к материальным достижениям) как к чему-то ненадежному, не способствуя, тем самым, развитию принципов правосознания.

К тому же, испытывая постоянное давление со стороны соседей, заинтересованных в богатствах России, население принимало тяжелый пресс собственных властных структур, как меньше зло по сравнению с иноземным игом. Все это вело к чрезвычайной выносливости народа, по сей день характерной для большинства россиян. Воспитывало пронизательность, удивительные терпение и стойкость, способность вынести самый низкий жизненный уровень и при этом не падать духом, не деградировать как нация.

Но вряд ли живучесть и терпение народа стоит воспринимать как согласие с проводимым над ним антигуманным социокультурным экспериментом. Если присмотреться, то мы увидим, что неприятие существующего состояния выражается как раз в национально-апробированной форме – эскапизме. Даже стихийные протесты, которые население уже не в состоянии подавить в своей душе, оно проявляет специфично: прибегая к умоляющим прошениям в адрес властителей, к голодовкам и самоубийствам.

Сегодня даже западные специалисты признают, что население России обладает поразительной стойкостью, делая «невозможное возможным», но платит при этом огромную цену. В 1990 г. уровень самоубийств в России составлял 26,4 случаев на 100 тыс. человек в год. А в 2001 г. уже 42,1 случаев на 100 тыс. человек. В Западной Европе подобный показатель равен 5 самоубийствам на 100 тыс. [6].

Некоторые зарубежные и отечественные авторы главную причину социокультурных деструкций в нашей стране видят в национальном характере россиян. Но народ не может быть виновен в том, что он, якобы, не хочет жить хорошо, склонен к девиантному поведению, озлоблен и т.п. В советский период коммунистическая партия брала на себя политическую и идеологическую ответственность за все происходящее в стране. Сегодня ни одна общественная организация, властная структура или личность взять на себя такую полумистическую ответственность не в состоянии. В итоге она возлагается на народ в целом. А народ – абстрактный субъект, которому можно приписать все что угодно. Последнее обстоятельство постепенно формирует некое негативное поле самовосприятия народа: пресловутое преклонение перед «цивилизованным Западом», перерастающее в национальное самоуничижение.

На таком фоне острее проявляется социокультурная дифференциация, ярче обозначает себя барско-чиновничья «традиция» считать «этот народ» бестолковым быдлом. Это, в свою очередь, порождает у представителей социально незащищенных низов соответствующее отношение к окружающему, желание что-то испортить, разрушить, украсть (чтобы хоть как-то проявить себя, озвучить свое существование, хотя бы через деструкцию).

По мнению ряда авторов, [4] в России за последние годы сложилась целая «философия грязи», отражающая общее снижение уровня культуры. «Грязь» в некотором роде стала символом многих происходящих событий, своеобразным социокультурным идентификатором. В буквальном смысле – это кричащий контраст между богатыми, чистыми, центральными кварталами и грязными, нищими окраинами городов. В переносном же смысле, живущие в грязи, «пачкают» других и, таким образом, «метят своих» (уровень примитивной идентификации). В экзистенциальном смысле «чистота» требует, конечно, больших физических, временных и

душевных усилий от человека, на которые готов далеко не каждый, тем более в нестабильных условиях. Для тех, кто «не готов», есть более простой способ существования – понижение статуса духовных ценностей в целях адаптации.

В когнитивном смысле «грязи» (негативу) тоже уделяется внимание, но не для того, чтобы понять природу деструктивных явлений и найти выход из сложной ситуации, а для того, чтобы собрать в кучу все мрачное и бросить этот «ком грязи» в лицо власти, чтобы она «одумалась» и стала иной, справедливой. В итоге наш народ получает море агрессивной бульварной литературы, журналистской «чернухи», общий поток насилия в СМИ, бои политических компроматов и т. п. В результате «грязь» (негатив) постепенно становится некой культурной универсалией наших дней, своеобразным способом изменения иерархии ценностей, российским вариантом ressentimentа.

Однако движение вниз не может быть бесконечным – это угроза существованию общества как такового. Ressentiment, дойдя до пошлости, опустошив человека, достигает своего предела. В этих условиях общество, как саморегулирующаяся система, вынуждено переходить к использованию более мощных механизмов регуляции или создавать новые. Такое случается не часто, всегда оставляя след в общественном сознании. Эти механизмы включаются как последнее средство «возврата» людей к приемлемому для дальнейшего развития уровню культуры и ритуальности. Но если не помогает и это, то социокультурная система гибнет.

Реформирование общества оправдано тогда, когда оно опирается на созидательный потенциал своего народа, разумно сочетая мировой опыт и национальное своеобразие. Именно по этой причине успешны трансформационные процессы в странах Дальнего Востока и Малой Азии.

Ценности материального порядка актуализировались, в тоже время достаточного слоя самостоятельных инициативных граждан, в объеме, желанном для реформаторов, пока так и не сформировалось. Традиционные для российской культуры экзистенциальные приоритеты коллективизма, уравнительности и патерналистские установки не вытеснены.

Сегодня далеко не все россияне рассчитывают на собственные силы в преодолении экономических трудностей. Значительная часть населения по-прежнему испытывает потребность в государственном патронате, причем, это разные возрастные и гендерные категории. И это не просто паразитарные установки, как у римского плебса, а результат эволюции системы.

Все это, конечно, формирует целую «философию бедности» в нашем социуме.

Дифференциация денежных доходов населения и бедность – понятия, тесно связанные между собой. Дифференциация доходов приводит к неравномерному распределению дефицитных ресурсов общества: денег, власти, образования и престижа между различными слоями населения. Основным измерителем этого неравенства выступает количество ликвидных ценностей. Эту функцию обычно выполняют деньги, и их количество определяет место индивида или семьи в социальном обществе. Таким образом, бедность – это экономическое и социокультурное состояние людей, имеющих минимальное количество ликвидных ценностей и ограниченный доступ к социальным благам. Бедность – это характеристика экономического положения, при котором люди не могут оплатить стоимость необходимых благ, не способны поддерживать приемлемый уровень жизни [10].

Категория минимальных потребностей и, соответственно, понятие бедности всегда относительны и зависят от уровня развития экономики и богатства общества. Чем более богато государство, тем разнообразнее круг минимальных потребностей и выше степень их удовлетворения, и наоборот. Поэтому, объем потребностей и степень их удовлетворения, которые обществом признаются минимально допустимыми, в развитых странах качественно иные, чем в развивающихся. Границы понятия бедности так варьируются, что определение, кто беден и кто нет, очень сложная операция как с теоретической так и с эмпирической точек зрения. Точное определение границ бедности очень важно с практической точки зрения, от него зависит размер социальной помощи правительства. Если бедных слишком много, то расходы государства возрастают, что незамедлительно скажется на благосостоянии других слоев населения. В повседневной жизни бедность означает недостаток необходимых ресурсов, состояние крайних экономических трудностей, состояние, в котором имеющиеся в наличии ресурсы так малы, что они не позволяют удовлетворить первичные потребности.

Однако само понятие потребности тоже не однозначно. Потребность – это нужда в чем-либо, требующая удовлетворения. Это определенная форма связи живых организмов с внешним миром, необходимая для существования и развития человеческой личности, социальной группы, общества в целом.

Физиологические потребности являются определяющими, поскольку их удовлетворение гарантирует выживание человека как биологического существа. В их составе потребности в пище, одежде, обуви, жилище, отдыхе, сне, двигательной активности. Существуют и социаль-

ные потребности. Они связаны с тем, что человек существо общественное: труд, творчество, общение с другими людьми. Интеллектуальные потребности касаются образования, повышения квалификации и т.п. Социальные качества человека порождают также духовные потребности. Если потребности физические (материальные) имеют разумные границы, то удовлетворение духовных потребностей человека не ограничено, оно открывает простор для развития личности, делает жизнь интересной и осмысленной. Интеллектуальные и социальные потребности не относятся к потребностям первой необходимости и удовлетворяются после того, как наступает определенная степень удовлетворения первостепенных потребностей. Прямой оценки они не имеют, хотя во многом зависят от состояния культуры в обществе, общего уровня и качества жизни населения.

В зависимости от того, какие потребности человек способен удовлетворить, выделяют три вида бедности: абсолютную, относительную и субъективную. Абсолютная бедность – состояние, при котором индивид на свой доход не способен удовлетворить даже базисные потребности в пище, жилище, одежде, тепле, либо способен удовлетворить только минимальные потребности, обеспечивающие биологическую выживаемость. Численным критерием выступает порог бедности (прожиточный минимум). Относительная бедность – невозможность поддерживать уровень приличествующей жизни, или некоторый стандарт жизни, принятый в данном обществе. Относительная бедность показывает то, насколько человек беден по сравнению с другими людьми. Субъективная бедность – базируется на оценках собственного положения самими же людьми [7].

В исследованиях бедности большое значение имеет также анализ депривации (оценка бедности через испытываемые лишения, страдания) в социальной жизни, с которой сталкивается определенная часть населения. В этом состоит суть депривационного подхода в оценках бедности, неотъемлемой составляющей концепции ее относительного понимания и изучения. В международных исследованиях, проводимых ООН, применяется комбинированная методика исследования бедности. Статус бедных получают семьи, имеющие доходы (расходы) ниже прожиточного минимума, испытывающие лишения в сфере потребления и ощущающие себя бедными.

Во всех странах, проводящих политику снижения бедности, применяются единые принципы установления прожиточного минимума. При установлении прожиточного минимума принимаются во внимание такие основные потребности семей трудящихся как продукты питания, их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование. Состав потребительской корзины различных государств, применяющих этот метод измерения бедности, варьирует в зависимости от уровня экономического развития страны и представлений общества о стандартах качества и уровня жизни.

В США, например, расчеты потребительских бюджетов ведутся уже 100 лет. Величина прожиточного минимума, соответствующего черте бедности в США, составляла в 2006 году в расчете на месяц для одинокого человека 666 долларов и 1337 долларов для семьи из 4-х человек [8].

В потребительскую корзину Великобритании входят расходы на продовольственные товары, общественное питание, алкогольные напитки, табачные изделия, оборудование жилья (мебель, электроприборы, жилищно-коммунальные услуги, пользование телефоном), организацию отдыха (развлечения, аудиовизуальное оборудование) и путешествия, содержание автомобиля, пользование общественным транспортом. В последние годы во всех странах Европейского Союза в качестве уровня бедности используется минимальный потребительский бюджет равный 50% медианного дохода населения. В европейских странах бывшего социалистического лагеря расчеты минимальных потребительских бюджетов определяются ограниченными финансовыми возможностями государств. В Болгарии, например, в основу социальной защиты бедных положен показатель – базовый минимальный доход, гарантированный государством. Он в несколько раз ниже прожиточного минимума и минимального потребительского бюджета.

В странах Ближнего зарубежья приняты законы о минимальных потребительских бюджетах в Беларуси, Казахстане, Киргизии, Молдове, Украине. Беларусь и Молдова используют нормативный метод определения величины прожиточного минимума, основанный на стоимостной оценке наборов потребительских благ и услуг (как и Россия). Украина и Киргизия применяют комбинированный нормативно-статистический метод. Данный показатель рассчитывается только для нетрудоспособных граждан на основе нормативного набора продовольственных товаров (30 продуктов при суточной калорийности 1835,6 килокалорий) и менее 30% доли расходов на непродовольственные товары и услуги.

Наиболее высокая абсолютная бедность по данным ООН на 2013 г. исходя из установленной национальной границы наблюдалась в Сьерра-Леоне — 70,2 % и Мозамбике — 69,4 %. Если же за границу бедности взять 1 доллар в день (такой показатель использует ООН для развивающихся стран), то наиболее высокая бедность по данным на 2013 г. отмечается в Нигерии (70,8 %), ЦАР (66,6 %) и Замбии (63,8 %). Что касается постсоциалистических стран (вклю-

чая России), то они по этому критерию занимают позицию «лучших среди худших»: типичный для них уровень бедности 25–30 %, что выше, чем в развитых странах, но ниже, чем в большинстве развивающихся [5].

Бедность является фактором социальной напряженности. Борясь с несправедливым, по их мнению, распределением доходов, бедные склонны к совершению преступлений и к насильственным методам политической борьбы. История показывает, что во время революций и иных политических потрясений именно бедные были «горючим» материалом социальных переворотов и стремились «грабить награбленное». Даже если бедные не совершают актов насилия в отношении других людей, общество в котором они живут, все равно несет потери. Бедный человек не может полноценно участвовать в жизни общества, его творческий потенциал не раскрывается и пропадает бесплодно. Особенно трагична «наследуемая» бедность, когда дети бедняков при одинаковых способностях имеют гораздо меньше шансов самореализоваться, чем их сверстники, родившиеся в семьях с нормальным достатком. Живущие в странах «третьего мира» бедняки страдают от антисанитарии, в их среде распространены эпидемические заболевания, от которых затем могут страдать и богатые страны.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 15.
2. Гринева С. В. Ценности и национальные идеи в российском менталитете. Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004г.). Материалы выступлений. – Бишкек, 2004. – С.270–274
3. Козырьков В.П. Российский вариант resentment (социокультурные истоки кризиса рациональности) // Естественнонаучное и гуманитарное знание в цифровой век. Материалы третьей межвузовской научной конференции ННГУ. – Нижний Новгород, 2001. – С. 124.
4. Симпура Ю., Еремичева Г. Грязь: символические и практические измерения социальных проблем в Санкт-Петербурге. От грязи к преступности: динамика восприятия социальных проблем населения Санкт-Петербурга // Мир России. – 1997. – Т.4., № 2. – С.163–182.
5. Ткаченко А. Качество жизни населения: проблемы измерения // Власть. 20013. №2. С. 21.
6. Уткин А.И. Новый мировой порядок. – М., 2006. – С. 526.
7. Фролова Ю.С., Лебедева И.В. Феномен российского resentment // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. Т.7–8. 2011. –232с.
8. Фролова Ю.С. Социокультурные изменения современной российской полиэтнической провинции. – Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук. – Москва, 2007.
9. Шелер М. Resentiment в структуре моралей. – СПб., 1999.
10. Ярыгина Т.В. Бедность населения – бедность государства // Политика доходов и социальная защита населения. М.: Ин-т труда Министерства труда РФ, 2008. С. 15.
11. Frolova Y.S., Lebedeva I.V. Polarization of the citizens' income in the modern society and the problem of poverty. // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. Т.11. 2014.

References

1. Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. – M., 1990. – S. 15.
2. Grineva S. V. Tsennosti i natsional'nye idei v rossiyskom mentalitete. Obshchechelovecheskoe i natsional'noe v filosofii: II mezhdunarodnaya nauchno–prakticheskaya konferentsiya KRSU (27–28 maya 2004g.). Materialy vystupleniy. – Bishkek, 2004. – S.270–274
3. Kozyr'kov V.P. Rossiyskiy variant resentment (sotsiokul'turnye istoki krizisa ratsional'nosti) // Estestvennonauchnoe i gumanitarnoe znanie v tsifrovoy vek. Materialy tret'yey mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii NNGU. – Nizhniy Novgorod, 2001. – S. 124.
4. Simpura Yu., Eremicheva G. Gryaz': simvolicheskie i prakticheskie izmereniya sotsial'nykh problem v Sankt–Peterburge. Ot gryazi k prestupnosti: dinamika vospriyatiya sotsial'nykh problem naseleniya Sankt–Peterburga // Mir Rossii. – 1997. – T.4., № 2. – S.163–182.
5. Tkachenko A. Kachestvo zhizni naseleniya: problemy izmereniya // Vlast'. 20013. №2. S. 21.
6. Utkin A.I. Novyy mirovoy poryadok. – M., 2006. – S. 526.
7. Frolova Yu.S., Lebedeva I.V. Fenomen rossiyskogo resentment // Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika. Ezhegodnyy al'manakh Astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva. T.7–8. 2011. –232s.
8. Frolova Yu.S. Sotsiokul'turnye izmeneniya sovremennoy rossiyskoy polietnicheskoy provintsii. – Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk. – Moskva, 2007.
9. Sheler M. Resentiment v strukture moraley. – SPb., 1999.
10. Yarygina T.V. Bednost' naseleniya – bednost' gosudarstva // Politika dokhodov i sotsial'naya zashchita naseleniya. M.: In–t truda Ministerstva truda RF, 2008. S. 15.
11. Frolova Y.S., Lebedeva I.V. Polarization of the citizens' income in the modern society and the problem of poverty. // Voprosy elitologii: filosofiya, kul'tura, politika. Ezhegodnyy al'manakh Astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva. T.11. 2014.